

Шайнинг Армор добрался до отведённых ему покоев в Кэнтерлотском дворце. Он был вымотан проверками и перепроверками, ему казалось, что его разум, раз за разом, просеивали ситом, чтобы убедиться, что он - это он. И они действительно не нашли в нём Сомбру. Теперь же он был под наблюдением и гвардейцы, которые его сопровождали до дверей покоев, даже не делали вид, что деликатно следят за своим бывшим начальником. О, нет - они пялились на него, будто из него сейчас выскочит Сомбра и всех их сожрёт. Впрочем, Шайнинг отнюдь не был уверен, что этого не может произойти. А ещё, всю дорогу его мучал один вопрос, который приходил к нему и раньше, но тогда, единственного, кто мог не него ответить, спросить возможности не было.

Шайнинг устало повалился на кровать и обнаружил, что смотрит на большую вазу с цветами, между лепестками которых была воткнута большая открытка. По привычке, он попытался подлевитировать открытку телекинезом, но отрицающее кольцо на роге, запечатанное самой принцессой Селестией на время наблюдения, не давало ему пользоваться магией. Вздохнув, он протянул копыто и взял открытку. "Любимому брату от любимой сестры. Поправляйся скорее". И неуклюже нарисованная мисс Смарти Пэнтс в углу. Шайнинга почти испугало отсутствие эмоций по этому поводу и он поспешно положил кусочек глянцевого картона обратно на столик. Уткнувшись головой в подушку, он представил себя на месте Твайлайт, которой сообщили, что в его голове поселился древний злодей и его нельзя извлечь. Он представил себе борьбу между любовью, страхом и ответственностью. И ответственность, подогреваемая страхом, побеждала. "Но я ведь просто проецирую" - подумал он - "Ведь таким было бы моё решение. Имею ли я право осуждать их, если поступил бы так же?"

"Да имеешь. Если любовь не пережила контакта со страхом и ответственностью, то цена ей была невелика и это значит, что уверения в её вечности и нерушимости - ложь. А я презираю любую ложь. Хотя и не мне судить о мотивах твоих близких."

У Шайнинга не было сил даже вздрогнуть, когда голос Сомбры прозвучал в его голове.

"А я был, на какое-то мгновение, уверен, что ты и впрямь ушёл."

"О, если бы я мог. Однако, я чувствую, что ты очень хочешь спросить меня о чём-то".

"Да, пожалуй. Только не сочти это смешным. Мы уже довольно долго общаемся, я, можно сказать, неплохо тебя узнал и у меня никак не сходятся в голове два образа: ты и донельзя примитивный тиран, превративший целую империю в рабский лагерь. Даже немного пообщавшись с тобой, я мог бы ожидать, что ты стал бы умным деспотом, держащим простых обывателей страхом потерять имущество, свободу и сытую жизнь, а не дежурную порцию баланды и кружку воды. Не то, чтобы я одобрял такие методы, но все рассказы о твоём правлении кажутся мне нереалистичной выдумкой."

"О, нет, всё именно так и было. Цепи, вереницы рабов, вышки с нанятыми грифонами-лучниками, кристальные големы. Историю любят переписывать и перевирать, но в истории моего правления перевирать было нечего".

"Но зачем?! Зачем ты затеял всё это?! Какой в этом, лягать его, смысл?!"

"Чтобы устроить пони всего мира шоковую терапию, конечно же."

"Я, всё равно, ничего не понимаю."

"Да, ты многого не понимаешь. Впрочем, могу устроить для тебя небольшой экскурс в историю, чтобы ты увидел, что у меня не было другого выхода."

“Решение превратить целый народ в бессмысленно эксплуатируемых рабов не имело альтернативы? Мне трудно это представить.”

“И, тем не менее, если ты наберёшься терпения, то сможешь увидеть, хотя бы, мою точку зрения. Видишь ли, после правления Дискорда, Эквестрия была полна запуганных, озлобленных, а то и вовсе безумных пони, лишённых всего и весьма смутно помнящих, каким был мир до владычества Хаоса. Практически вся записанная история о додискордовой эпохе, была записана со слов Селестии и Луны.”

“А ты? Ты тоже жил при Дискорде?”

“Да, но не заставляй меня рассказывать об этом, поскольку это было настоящее безумие, привившее мне настоящую ненависть к телепортации и шахматам. Насколько я помню, при дворе Сестёр тоже был запрет шахматы и любое воплощение игрового поля.”

“Он существует поныне, кстати. Уж не знаю почему. Я, к примеру, люблю эту игру.”

“Поверь, ты бы возненавидел её тоже. Ну, да ладно. Мы не знали даже, сколько длилось владычество Хаоса, поскольку время тоже тогда сошло с ума. Единственное, что можно сказать точно: чудачества Дискорда пережило именно то поколение, при котором он и явился. Может, время было не властно над нами, может это, действительно, длилось недолго... Не важно. Но от старого мира остались одни руины и его нужно было отстраивать заново. Сёстры искали по всему миру тех, кто мог им помочь исцелить страну и восстановить бывшее величие эквестрийской нации. Одним из этих добровольцев был я.”

“Ты?!”

“В том нет ничего странного. До Дискорда я был придворным учёным герцогини ванхуверской Ми Аморе Серенаты и мы с нею...”

“Ми Аморе?! Она родственница Кэйдена?!”

“Будь терпеливей. Так вот. Мы были немногими из тех, кто смог сохранить воспоминания и разум. Тогда, правда, никого не смущало, что я был тёмным магом: то были гораздо более вольные времена, тем более, что аликорны сами применяли подобные силы. Когда Сёстры рассказали нам об Элементах Гармонии, которыми они повергли Дискорда и призвали всех объединиться в поиске способа, которым можно распространить их влияние на всю Эквестрию, у меня родилась идея: создать некий коллекторно-эмиттерный механизм, который будет, посредством магического усилителя башенного типа, распространять по миру вдохновляющие и радостные эмоции, устраивая всемирную терапию. Для коллекторной функции надо было просто сосредоточить в одном месте побольше усердно радующегося народа, а вот с механизмом ещё предстояло разобраться...”

“Не хочешь ли ты мне сказать, что это Ты создал Кристальную Империю?! Ты?!”

“Почему нет? Всё равно, других идей ни у кого из выживших и сохранивших разум учёных магов не было. А профильным специалистом в кристаллографии был один я. Впрочем, для создания кристалло-магического механизма, я сильно надеялся изучить Элементы и Сёстры оказали мне решающую помощь, без которой я разбирался бы до конца жизни. Как бы то ни было, Сёстры радостно дали мне кард бланш во всех начинаниях и попросили приступить. Особенно сильно радовалась моя

покровительница Серената, ведь я взял за "демографическую" основу проекта своё родное ванхуверское герцогство. Иначе, в общем-то и быть не могло: мы были последним независимым государством пони на континенте и мы с герцогиней поступали с государственной сметкой, подгрывая плоды проекта под себя. По сути, то, что я делал для всех пони мира, должно было достаться моей покровительнице, которая хотела усилить своё влияние. Но я и не возражал, таков и был мой план по усилению роли герцогини в судьбе всех пони. На моей памяти Серената была весьма увлечённым процессом управления аликорном и не в плохом смысле этого слова. Откуда бы она ни пришла, она любила свой приёмный народ и народ любил её."

"А ты? Ты любил её?"

"Да, как сказать... У нас было взаимовыгодное сотрудничество, немного страсти для одиноких вечеров и даже дружба. Но любовь - нет. В отличие от тебя, я понимал разницу между аликорном и простым смертным. Я всегда был реалистом и мы просто держались друг друга, что помогло мне сохранить разум в дискордовом хаосе. Серената прозвала меня за это "кристальным сердцем" - мол у меня в груди такой же гранёный и твёрдый камень, как и мои любимые кристаллы, но наши отношения удовлетворяли нас обоих. Она, как аликорн, имела большую силу, но была не особо умела в магическом искусстве, как и твоя Кейденс и, потому, часто обращалась ко мне со своими магическими проблемами, а взамен не трогала процесс моего исследования в области кристаллографии. Должен признать, что в додискордовую эпоху, в мире передовой магической науки, эта тема не была популярной и не считалась чем-то перспективным. Но это было моё увлечение и мой талант."

"Насколько я знаю — и сейчас не считается."

"Правда? Что ж, вижу в этом участие Сестёр. Впрочем, я отвлекаюсь. По разным причинам мы выбрали для реализации небольшую равнину на Ледяном Севере, как можно ближе к магическому полюсу и удачно расположенную на пересечении трёх лей-линий. Это было необходимо для того, чтобы работа излучателя имела хорошую подпитку и покрывала, по возможности, всю планету. Хотя я, единогласно, был выбран руководителем проекта, мы все - аликорны, маги, земнопони — работали сообща. О, это было прекрасное время, и я бы солгал, если сказал бы, что не храню о нём тёплых воспоминаний. Та часть населения герцогства, что согласилась переселиться в край вечных льдов, трудилась вовсю под магическим куполом, созданным над башней - нашей первой постройкой, выравнивая почву, засеивая её семенами, сажая деревья, возводя временное жильё. Это был хороший народ и рад, что родился среди них, хоть и был одним из немногочисленных дворян-единорогов."

"Ха! А разве не ты обрёк этот народ на страдания?"

"Я не вижу здесь противоречия. И, потом, я обрёк на страдания несколько иной народ, который был их далёкими потомками. Впрочем, до этого тоже дойдёт."

Для главного ядра своего проекта, я выбрал и тщательно изготовил... Ну, скажем так, функциональные сути Элементов Смеха, Доброты и Щедрости, заключив их в единое кристальное ядро. На изготовление всей машины у нас ушло почти полтора года и я считал это своим величайшим триумфом. Будь, к тому времени, в своём уме те, кто когда-то называл мою любимую область тупиковым путём науки, где

открыто уже всё, что только можно открыть, я бы специально собрал их, чтобы посмеяться над ними и сплясать...

“Я тебя снова прерву, но почему твоё “ядро” в форме сердца? Это из-за того, что она называла тебя так?”

“Хм. Ну, это, пожалуй, была шутка. Одна — на нас двоих с Серенатой. В конце концов, я дарил ей новую страну и хотел, чтобы после моей смерти, от меня осталось что-то, напоминающее о том, что именно я — её старый приятель Сомбра “Кристалльное Сердце”, создал всё это. Напоминание лично для неё, если ты понимаешь.”

“Да, вполне понимаю. Наверное и мне предстоит сделать что-то подобное”

“Ну да, ну да... Как бы то ни было, проект был завершён и торжественно запущен, а самое главное — он работал и ещё как! Мир действительно восстанавливался намного быстрее. Пони становились добрее, разумнее, охотнее оказывали помощь друг другу. Рухнула стена из воспоминаний о безумном времени, что не давала им принять реальный мир и наконец-то увидеть в других пони товарищей по несчастью. Анархия сменялась порядком, восстановились селения, ремёсла, торговля, законы, дороги, налоги и прочие радости, что мы зовём цивилизацией. С течением времени, всё больше ванхуверцев переезжало в Кристальный Город, как он тогда назывался, и всё больше эквестрийцев, гонимых нуждой, переселялось в Ванхувер на заработки. Ванхувер, при мне, был центром производства древесины и лесорубы нужны были всегда. В конце концов, лет через двести, после падения Дискорда, на одного коренного ванхуверца приходилось пять эквестрийцев и моё родное герцогство, с благословения Серенаты, официально стало частью королевства Эквестрии. Именно тогда герцогиня объявила себя императрицей, а Кристальный город стал Кристальной империей. Я же остался жить на родине, потому что там был мой дом, моя лаборатория, а Кристальная Машина не нуждалась во мне для бесперебойной работы. Поэтому я получил от Серенаты в подарок за службу то, что осталось от старой цитадели Ванхувер, которую я отстроил и получал доход, сдавая в аренду большую часть её помещений под эквестрийскую администрацию. Поначалу, Сёстры хотели припрячь меня на должность ванхуверского наместника, но я, как мог, отбрыкался от этой чести, потому что в процессе создания Кристальной Машины, я набрёл на огромную кучу новых идей и перспективных тем для исследования, которые занимали меня целиком и полностью.”

“Постой-ка. Какие двести лет? Да и вообще: между эрой Дискорда и исчезновением Кристальной Империи прорва веков. Как ты мог быть тираном в конце классической эры, если, по твоим словам, ты родился до её начала?”

“Ну, на секрет бессмертия я наткнулся, почти случайно, занимаясь своими исследованиями.”

“По кристаллографии?! Секрет бессмертия лежит в области кристаллографии?! Науке о декоре, дешёвых бусах, аккумуляторах и светильниках?! Ты шутишь!”

“Ну, на самом деле, в области смежной с... Хотя, пожалуй, не буду давать тебе наводки на этот секрет. Ха-ха, наука о бусах и светильниках. Ну точно Селестия с Луной постарались.”

“Ты не обещаешь мне рассказать секрет, не соблазняешь меня знаниями и бессмертием, чтобы манипулировать мной в своих целях, а просто честно заявляешь, что отказываешься открыть его?”

“Если ты не заметил, я никогда не лгу. Я, прямо таки, патологически честен. Именно это помогло мне без помех исследовать Элементы Гармонии, ведь, в своё время, я был Элементом Честности.”

“Я... Я поражён.”

“Знаю. Надо сказать, это не упрощало моего характера и моей жизни, но я просто не умею иначе. К счастью, всю свою сознательную жизнь я смог жить так, чтобы не вставать перед необходимостью лгать кому-либо. Занятия наукой способствуют одиночеству, а лгать своей покровительнице и другу смысла и необходимости нет. Тем не менее, когда нашему проекту попытался помешать король виндиго, чьи владения мы нагло заняли, мы, с Сёстрами и Серенатой, использовали против них Элементы Гармонии, причём, Элемент Честности выбрал и признал меня сам. Серената же была сразу Элементами Щедрости и Верности. На моей памяти, на такие фокусы сразу с несколькими Элементами, были способны только аликорны. Эй, что тебя так веселит?”

“Это... Хе-хе-хе... Ой, прости, я представил тебя в шляпе Эпплджек.”

“Знаю, но не пойму, что в этом смешного. Кстати, я, в своё время, тоже носил такую шляпу. Это “ванхуверский залив”, она начала своё шествие по миру из моего родного края... Да что с тобой такое?!”

“О, святые небеса... Ха-ха-ха-ха-ха! Сомбра в шляпе!”

“Ну да, очень смешно. Я даже не могу понять все эти образы, что ты себе воображаешь, ведь я не помешан на яблоках, я не знаю, что такое “родео”, и уж точно не говорю с этим жутким выговором.”

“Так, уф... Я в норме, давай ты просто продолжишь. Ты открыл секрет бессмертия. И что дальше?”

“А дальше, из простого учёного мага, я стал могущественным и бессмертным”.

“И всё?”

“Само собой, что нет. Но для ванхуверцев я был чем-то, самим собой разумеющимся: серый маг, неизменной тенью стоящий рядом с бессмертной повелительницей и, вместе с нею, поднимавший из руин страну. Наша страна была населена земнопони и они не очень-то разбирались в единорогах. Я был уважаем и то, что я не старею никого не смущало. Вот у эквестрийцев-мигрантов вопросы появлялись, но и их больше занимали вопросы обустройства собственной жизни, чем досужие мысли о бессмертном обитателе старого замка, почти не покидающего его стен, а следующее поколение просто смирялось, решив, видимо, что под плащом я прячу ещё и крылья аликорна.”

“А Селестия и Луна? А твоя герцогиня? Их не интересовал твой секрет?”

“Серената и так знала его. В общих чертах, конечно: она не особо интересовалась моей наукой, пока ей не пришлось подтягиваться по ней, когда мы все вместе строили город и машину. А моё бессмертие просто радовало её. Всякому аликорну, рискнувшему приблизить к себе смертных, приходится переживать их гибель и Серената тоже

пережила немало горьких потерь, пока не появился я. Должен признать, она была гораздо моложе и легкомысленнее Сестёр, а посему, она куда ближе к сердцу принимала и радости и горе. Но, в некотором роде, она была мудра и просто принимала подарки судьбы. Селестия и Луна же строили из себя непрístupных богинь и бесконечно ответственных суровых паладинов — надо было сильно постараться, чтобы выжать из них улыбку."

"Сегодня Селестия вовсе не такая. Да и Луна понемногу меняется под её влиянием. Всё же, они пробыли в разлуке тысячу лет."

"Да, я уже знаю эту историю. Что же... Хорошо, если так. Наверное, Селестия смогла перебороть себя и сняла немного брони с сердца, когда потеряла то, что не рассчитывала никогда терять. Даже тот откровенный вред, что я нанёс им, обернулся для них, в какой-то мере, благом. Но, тогда мой секрет их не интересовал, как, думаю, не интересуется и сейчас. Более того, они лично являлись ко мне и убеждали никому его не открывать, даже им самим."

"Я не понимаю. Ведь они могли делать бессмертными тех, кто им дорог."

"Ну, а я понимаю и не могу их за это судить. Видишь ли, мой способ доступен любому единорогу, хотя бы, со средними способностями. Но, только единорогу и, уверяю тебя, я убил несколько десятков лет, чтобы перепроверить это сотни раз. А Сёстры всегда носились с благородной идеей равенства всех рас пони, чтобы объединить их все в единое королевство, могущее противостоять всем невзгодам. Я и сам был не чужд этой идее, ведь я, хоть и был единорогом, большую часть своей жизни провёл среди земнопони и не разделял надменное отношение других единорогов к "низшим" расам. И что стало бы с идеологией Сестёр, если бы единороги стали бессмертными? Яблочного огрызка она бы не стоила."

"Наверное, ты прав... И принцессы тоже правы."

"Не ощущаю в тебе уверенности. Это, несколько, малодушно с твоей стороны, но не могу тебя не понять, ведь ты смертный, отважившийся на любовь к бессмертной. Ты прошёл через много душевных мук и трудно давшихся решений, но смело следовал по этому пути, доведя дело до брака и даже смог, невероятным образом, доказать силу своей любви. И, тут вот — я, прямо в твоей голове, знающий, как сделать твоё семейное счастье почти вечным. Сбивает с толку, не так ли?"

"Да, должен признать, что это взволновало меня раздражающе больше, чем я хотел бы себя убедить... И я, кажется, заражаюсь твоей официозной манерой речи."

"Ну-ну, может статья, что для тебя ещё не всё потеряно."

"Ты же сказал, что не откроешь мне свой секрет."

"И не открою, ведь я дал клятву Сёстрам, что не открою своего секрета никому, а я держу клятвы, пусть даже данные врагам."

"Но к чему тогда эти слова, что для меня не всё потеряно?"

"Дослушай мой экскурс и, может быть, найдёшь ответ. Так вот. Время шло, я продолжал жить в старом замке, частенько навещаемый Серенатой, ведь для неё пять сотен миль не были расстоянием. Это я был всегда тяжёл на подъём, пока, намного позже, не внёс окончательных изменений в свой материальный облик. Во многом, это были просто дружеские визиты, призванные отряхнуть мою старую

шкуру от пыли затворничества, хотя, чаще всего, они заканчивались постелью. Я понимал, что она скучает по мне, но не хотел, чтобы на меня навалились обязанности её советника, которые будут отвлекать меня от моих занятий наукой, потому что я точно знал, что она содержала совсем уж немногочисленный двор и старалась со всем справляться сама. Уж такой она была пони. Однажды, я получил от неё письмо с приглашением посетить, наконец-то, Кристальную Империю. Тогда со времени её последнего визита прошло целых три месяца, заставивших меня соскучиться, а я как раз закончил с большим исследованием и маялся от отсутствия вдохновения, так что я решил вылезти на свет. Заодно мне хотелось посмотреть, как изменилась Империя за шесть сотен лет, прошедшие с момента создания. И там меня ждал настоящий шок в виде "кристальных пони".

"Шок?"

"Да, просто сокрушительный шок. А Серената, как будто и не понимала, что тут так. Она даже была уверена, что это будет для меня прекрасным сюрпризом!"

"А чем тебе не понравились кристальные пони?"

"Не понравились?" Да я был в ужасе! Я видел целый народ, подвергнувшийся магическим мутациям! Мой! Мой народ, понимаешь?! И это случилось из-за меня! Мои расчёты не предсказывали таких эффектов, но и всесторонних исследований возможного влияния на живых существ никто не проводил, потому что мы создавали Машину в кратчайшие сроки, желая лишь поскорее помочь всем пони! А когда я закончил с этим проектом, я ушёл от мира, утратив интерес к плодам своих трудов и теперь смотрел на то, что натворил. Я не знал ещё в тот момент, благом это было или злом, но я понял, что мой триумф, который я считал лучшим проектом своей жизни, вовсе не был триумфом. Это был провал, потому что, как оказалось, все мы уподобились жеребяткам, навалившим кучу из фейерверков и поджегших фитиль: куда ни полетит, лишь бы сверкало и бабахало. Я был ужасно подавлен и расстроил тем Серенату, ждавшую совсем другой реакции. Эх... Она назвала меня параноиком и предложила не убиваться понапрасну, а провести исследования, раз уж я так обеспокоен здоровьем этих "прекрасных пони". Ну, я так и поступил, сделав для себя множество неприятных открытий."

"С кристальными пони что-то не так?"

"Не считая, что они выглядят будто отлиты из цветного стекла, а в момент реакции Ядра превращаются в блестящее нечто? Ну, начну с того, что у них совершенно дикая биохимия с таким солевым балансом, что ты поплывёшь, лизнув каплю их крови. Поэтому, кстати, они не могут пьянеть от соли. А закончу тем, что клетки их организма, хоть и живые, имеют проекционную структуру, будто в монокристалле. Это делает их неким переходным звеном между биологической и кристаллической жизнью. Живые и одухотворённые кристаллы, лягать их... Так что, пусть для тебя не будет сюрпризом, когда ты начнёшь укреплять контакты между народами и окажется, что браки твоих подданных с нормальными пони будут бесплодными. И это, представь себе, было не самое худшее: в ходе одного из тестов, мне пришло в голову полностью изолировать подопытного добровольца от излучения Машины. Я поместил его в отрицающее поле и, к моему ужасу, этот пони стал стремительно умирать. Все

клетки его организма стали по-настоящему кристаллизоваться и затвердевать. Причём, быстрое возвращение в излучение Машины только остановило процесс, но не обратило. Я три дня боролся за его жизнь и, благодаря своим знаниям, я спас его, ценой сотни седых волос в гриве."

"Вот так новости! Признаться, я сбит с толку. Получается, кристальные пони не могут жить вдали от Империи?"

"Ну, благодаря отличному расположению машины, излучение присутствует во всём мире. Сила же излучения для кристальных пони безразлична, хотя, полагаю, те из них, что были за пределами страны, во время её исчезновения, погибли. Однако, неприятные сюрпризы на том не кончились. Серената не была удивлена результатами моих исследований, потому что, как оказалось, сама провела аналогичные. "Машина должна работать, и кто-то должен её питать. Изменения, которым подвергся мой народ не несут им зла и несчастья" - таковы были её аргументы. Вероятно, они стоили ей многих лет самоубеждения. Впрочем, моя вина во всём этом, была намного выше вины других участников проекта. В общем, всё что узнал о кристальных пони, стало для меня поводом провести полное исследование влияния Машины на весь остальной мир и его народы. Для начала я отправился в Эквестрию, ко двору Сестёр, чтобы поделиться с ними моими печальями. Справедливости ради, должен сказать, что Селестия отнеслась к моей инициативе вполне серьёзно и предоставила мне доступ к отчётам своего ведомства по налогам и сборам, которое собирало довольно много статистических сведений. И, почти сразу я нашёл явные следы влияния Машины на расу пони... Какой, кстати, сейчас кобылий индекс?"

"Что, прости?"

"Сколько кобылок рождается на одного жеребца?"

"Где-то четыре — четыре с половиной"

"Полагаю, для тебя будет сюрпризом узнать, что, от природы, это соотношение должно быть два к одному — у единорогов и земнопони, и два с половиной — у пегасов. И так оно и было до эры Дискорда. А тогда, в лесной твердыне, я держал в руках документы, говорящие, что кобылий индекс рос все годы работы Машины и уже перевалил за семь и две десятых!"

"Что-то не особо верится. Даже текущее положение дел не всем нравится и мне трудно представить, что было бы, будь кобыл в два раза больше, чем сейчас."

"Как оказалось, работа Машины это несколько компенсировала тем, что снижала либидо и агрессивность пони. Когда я закончил свои исследования, я уже знал, где в проект закрался большой просчёт: я не предполагал, что излучение неполного комплекта Элементов может привести к такому дисбалансу в ноосфере и выбрал только "нужные". И, если мутации кристальных пони были вызваны только самой машиной, то дисбаланс полов был вызван недостатком "маскулинных" Элементов Честности и Верности. Когда я рассказал о результатах своих исследований Сёстрам, они тоже не были удивлены, но и обвинять меня в провале не стали, ведь они сами подтверждали моё решение о выборе Элементов. Мы были виновны все, мы действовали из лучших побуждений, не имея опыта и веря в лучшее. Меня просто

спросили, какой выход я вижу. Выход был только один и он вёл к уничтожению Кристальной Империи и её народа."

"Но, почему?! Неужели нельзя было просто создать новое ядро?!"

"Конечно, можно. Вот только, под новое ядро надо сносить машину и строить новую, что значит её отключение. И, если ты слушал внимательно, это означало мгновенное вымирание кристальных пони, которые без излучения существовать не могут. Именно без излучения этой машины с этим ядром, так что, вариант с постройкой рядом новой башни тоже отпадал. Машина, к сожалению, уникальна и её излучение тоже уникально. Я смог бы построить ещё одну, действующую по такому же принципу, но не смог бы повторить её один в один. Её эмиттерная часть — просто нагромождение мириадом поликристалльных усилителей, которые и создают картину её поля. Скопировать их — всё равно, что скопировать песчаный пляж со всеми песчинками, лежащими строго на том же месте, что и в оригинале."

"И что же тебе ответили?"

"А ты как думаешь? Они сказали, что необходимо подождать, пока не родится какое-нибудь решение, не предполагающее гибели стольких пони и призвали меня продолжать исследования, обещая предоставить мне любые средства. С этим я вернулся домой и приступил к работе. Для начала, я принялся за простейшую полумеру: попробовал смоделировать излучение машины только с Элементами Честности и Верности и посмотреть, как будут вести себя кристальные пони в излучении двух машин сразу. Но и тут меня ждал провал, поскольку добровольцы начинали кричать от страшной боли. Мне оставалось только пробовать как-то изменить кристальных пони, чтобы они могли существовать в излучении другой машины или вовсе без неё, но тут требовалась мощнейшая магия преобразования на уровне Творца, на которую ни я, ни аликорны не были способны. На этом, технические средства решения проблемы у меня закончились. Отчаяние понемногу овладевало мной, хотя мне казалось, что с обретением бессмертия, с этим чувством должно быть покончено, ведь предоставленная мне бездна времени, обещала решение любой проблемы, достижение любой цели, рано или поздно. Я уже внутренне почти был согласен с Сёстрами, что решение нужно оставить времени, когда меня ждало ещё одно потрясение, добившее меня окончательно: когда я прибыл к Серенате, чтобы поговорить с ней о своих делах, она оказалась в обществе врачей и с новорожденным жеребёнком. В свой прошлый визит я не придавал значения ни тому, что она слегка располнела, ни странным реакциям... А теперь... Теперь я смотрел на своё дитя, своего сына, совершенно обычного пони, унаследовавшего мой цвет... Но не мой рог. Он был пегасом, получив гены моего деда. Я держал своего сына и думал о том, чем занимался последние восемьдесят лет — средний срок жизни благополучного пони — и это время казалось мне незначительно коротким, за это время я провел лишь две больших исследовательских работы. До того момента, я наивно думал, что горькая участь аликорна терять любимых никогда не коснётся меня, ведь единственное дорогое мне существо было бессмертным. Но теперь, эта самая участь обрушилась на меня, подобно каменному обвалу и превратила меня в ничто. Моё дитя ещё не начало жить, а я уже оплакивал его. Время, которое я, казалось, обманул, сполна взяло

свою виру за моё мошенничество. Я был обречён видеть, как он растёт, мужает, стареет и умирает. А если его дети тоже не будут единорогами, то я увижу и их смерть."

"А Серената? Что чувствовала она?"

"Я не знаю. Но, кажется, она была просто счастлива. Наедине у нас состоялся разговор, в котором я высказал мои переживания, но она, казалось, не видела того, что видел я или не хотела видеть. Она просто смотрела на нашего сына и радовалась, что привела его в этот мир. Я пытался нащупать путь к её мировоззрению, чтобы чуточку легче стало и мне, но тщетно. Все мои мысли занимало то, что поколения и поколения моих потомков будут жить здесь, превращаясь в кристальных пони. А если нет, то они, всё равно, будут жить в мире, существующим в результате моей величайшей ошибки. Но именно этого я не мог допустить. Всю ночь у меня зрело решение и, перед самым рассветом, я пришёл к Ядру, чтобы уничтожить его."

"Ты собирался уничтожить Кристальную Империю и всех её обитателей?!"

"Именно. Я собирался радикально исправить то, что натворил и взять этот грех на душу. Кажется, в тот момент, я собирался после покончить с собой. Но, жизнь снова внесла свои коррективы. У Ядра меня ждала Серената. Порой, мне кажется, она знала меня лучше меня самого и в тот момент она знала, зачем я пришёл. Мы оба знали, что уговоры бесполезны, что решения тверды и что теперь мы были врагами. Ни один из нас не хотел смерти другому, но должен был её причинить."

"И у тебя поднялось копыто на свою любимую и мать твоего жеребёнка?!"

"Да, поднялась. У меня был долг и у неё был долг, и наши долги сталкивали нас. Да, мы сами выбрали наш долг и ответственность, а потому было глупо..."

В общем, она не была особо сильна в боевой магии, но она стояла до конца за всё, что ей дорого. Она погибла, но почти разорвала связи моей души и тела и мне пришлось радикально изменить своё материальное воплощение, чтобы существовать и дальше с этими ранами. Я смотрел на кучку пепла, некогда бывшей самой близкой для меня пони и проклятое Ядро, которое я создал, как вечное напоминание другу... И не смог его уничтожить. Смерть Серенаты развязала мне ноги и, прежде, чем уничтожить Ядро, я решил попробовать не только прекратить влияние Машины на мир, но и исправить уже нанесённый вред. Однако, сначала я отправился в покои Серенаты, где застал одну из её доверенных фрейлин - пегаску по имени Винд Флёр - с моим сыном. Судя по выражению её лица, она решила, что теперь я пришёл убить своё дитя. Но я просто велел ей отнести моего сына к Сёстрам и передать им, что я нашёл способ подлечить мир и этот способ им совсем не понравится. Я решил, что пора бы моей Машине поизлучать нечто другое, чтобы выровнять баланс в ноосфере.

Знаешь старую примету, что в суровые времена рождается больше жеребцов? Она основана на вполне реальной корреляции между стрессом матери и полом жеребёнка. Так что я решил устроить миру немалый стресс, а помочь в этом мне могло только активно страдающее население Кристальной Империи. Мою задачу сильно облегчило то, что Серената, пользуясь знаниями, полученными от меня, сотни лет приводила свою столицу в гармоничный внешний вид с дворцом-машиной, а посему, всё вокруг было в кристаллах, которыми я мог управлять. Я легко и в одночасье превратил этот

город в тюрьму, всего лишь приняв на себя управление Машиной и дав народу мощный обратный поток негативных эмоций, источником которых был я сам. Пони на улицах кричали от моих ужаса и отчаяния усиленных в тысячи крат, чтобы хватило всем. И, когда кристальные обелиски и колонны, послушные моей магии, стали обращаться в кристальных големов, кристальные пони были покорны и обессилены, позволяя големам одевать на них ошейники и цепи. Мне оставалось только взять на себя роль мучителя. И десятилетия, что я провёл на этом троне вовсе не целили ни моего разума, ни моего характера. Часто, чтобы избавиться от навязчивых воспоминаний, о том, как я убивал своего единственного друга, я выплёскивал их в излучение машины и это дарило мне избавление от всяких эмоций на несколько дней. Однако, у меня хватало ещё чести не пристраститься к этому, так как я сам боялся того холодного и беспринципного чудовища, отражение которого я видел в глазах рабов и наёмников-грифонов. Вот так я стал Королём Сомброй, которого ты знаешь."

"И сколько же это длилось?"

"Двести сорок два года и шестнадцать дней."

"И Сёстры не пытались тебя остановить?"

"Думаешь, что я попробую тебя убедить, что они позволили глотать миру горькое, но необходимое лекарство, создаваемое страданиями тысяч пони? О, нет, Сёстры не такие. Конечно, они пытались меня остановить, но сеть защитных башен, созданная усилиями Серенаты и её маленькая гордость, создавала непроницаемое защитное поле, делавшее бесплодными все попытки проникнуть внутрь. Бесконечно долго сдерживать гнев двух аликорнов оно не могло, но дало мне предостаточно времени. Тем временем, я рассылал шпионов из числа грифонов-наёмников, чтобы быть в курсе оказываемого воздействия на мир и, как я и предполагал, моё горькое лекарство действовало. Постоянно ощущая моё негативное давление, пони стали серьезнее, агрессивнее, предусмотрительней и, вместе с тем, научились сплачиваться перед лицом проблем и опасностей. Кобылий же индекс неуклонно падал. А ещё я узнал о появившихся разногласиях между Сёстрами и я знал, что именно я был тому причиной. Младшая, всегда стоявшая на границе Света и Тьмы, не могла воспринимать меня, как однозначное зло, хотя и была в гневе за смерть своей сестры. Ко всему, она всегда была подвержена влиянию Моря Снов, на которое, в свою очередь, сильно влияла моя Машина. Это вовсе не входило в мои планы, поскольку я осознавал необходимость гармоничного сосуществования владычиц Ночи и Дня, но был связан своим положением тюремщика, запертого в тюрьме."

"Постой, ты сказал "сестры"? Серената была им сестрой?"

"Если ты имеешь в виду, имели ли они общих родителей, то нет. Аликорны всегда звали друг друга "сёстрами" или "братьями" даже в древнейших, из доступных мне, хрониках. Это, что-то вроде, товарищества по бессмертной участи. Я вовсе не уверен, что и Селестия с Луной являются кровными родственниками, слишком уж они не похожи, но они всегда были неразлучной парочкой и все привыкли думать, что так и есть."

Как бы то ни было, но моё правление подходило к концу, защитные барьеры всё слабели, но я не собирался отдавать Кристальную Империю и её народ Сёстрам,

поскольку прекрасно знал, что они просто пустят мои труды насмарку. Поэтому, за годы своего правления, я заготовил ещё один фокус, который должен был увенчать мой печальный путь: с помощью кристальной репроекции, переместить Империю в "сумеречную зону" и, чтоб усложнить поиски, на долю секунды назад во времени, где я собирался навеки похоронить и себя, и своё провальное творение, застывшим в безжизненном не-пространстве. Я всё же не смог уничтожить то, что оставалось от любви и надежд моей подруги и решил сделать это недоступным ни для кого. Я до последнего дня и последней минуты использовал Машину, пока не превратились в пыль защитные башни и не настал момент битвы с Сёстрами. Я не собирался всерьёз пытаться убить их, потому что знал, что без них этому миру несдобровать и потому что не считал себя им ровней в искусстве боя. До меня доходили слухи и хроники об их грозном боевом прошлом и я вовсе не хотел стать очередной славной жертвой Солнечного Копья и Лунной Косы. Я посопротивлялся, скорее, из чистого азарта и применил своё заклятие, исчезнув из этого мира, вместе со своим творением."

"А твой сын? Ты интересовался его судьбой?"

"Шпионы доносили мне, что он прожил хорошую жизнь, встретил свою любовь и имел трёх детей. Он рос при дворе Сестёр и носил титул принца Ми Аморе, а после покинул двор и стал знаменитым актёром. К тому моменту, как моему правлению пришёл конец, мои потомки уже достигли числа сорока трёх и я знал, что Сёстры тщательно следят за моим с Серенатой потомством."

"Но зачем? Они думали, что в одном из них может проявиться твоё зло?"

"Скорее, наоборот. Видишь ли, аликорны размножаются очень нечасто, а их рецессивный ген, хоть и крайне редко, может проявиться среди смертных потомков браков со смертными. И твоя жена - тому подтверждение. Кстати о потомках. Ты знаешь, что ты и твоя сестра - тоже являетесь ими, причём, по обеим линиям одновременно, поскольку ваши родители - потомки первого и третьего, соответственно, жеребёнка моего сына? Именно это я имел ввиду, когда говорил, что для тебя не всё потеряно в вопросе бессмертия."

"Этого не может быть!"

"Что именно из того, что я сказал?"

"Я не твой потомок! Этого не может... Пстой! Ты вообще не можешь этого знать! Ты только-только вернулся!"

"Пусть я и кажусь только голосом в голове, у меня ещё есть сила и я вижу в чьём теле нахожусь, вижу всех твоих предков. Именно сродство нашей крови и силы позволяет мне так легко прятаться в тебе."

"Эх... Ладно, сделаем вид, что я тебе поверил. Но, тогда получается, что Селестия знает, что я твой потомок и что ты можешь... Хм..."

"Что такое?"

"Если она следит за судьбами твоих с Серенатой потомков, то она может и селекцию проводить. Например, сводить двух носителей этой крови, как в случае с моими родителями, чтобы увеличить вероятность появления аликорнов."

"Ты бы не одобрил этого?"

"Даже не знаю."

"А ведь, по законам жанра, это демон должен смущать героя и возводить напраслину на его авторитеты. Но, нет, вряд ли Селестия занимается подобным. Аликорны - дети Предназначения и эта капризная дама позволяет только носить за собой шлейф, а не указывать себе путь. Просто Селестия не хочет упустить потенциального аликорна, ведь неурождённые аликорны не рождаются с божественной силой, а требуют довольно долгой и сознательной инициации. Впрочем, я бы поставил на твою сестру, ведь именно она стала её личной ученицей. Что же до тебя, то не знаю, честно. Но, если бы я был на месте Предназначения, то сделал бы из вас с Кадензой прекрасную пару: воплощение Любви и Рыцаря, который её достоин. Аликорн - всегда символ, знаешь ли и ты бы подошёл бы на эту роль."

"Не ожидал комплимента от тебя."

"Просто, отдаю тебе должное."

"Ладно. Ты говорил, что навеки похоронил себя, вместе с Империей. Почему же вернулись и ты, и Империя?"

"Когда небытие и безвременье сомкнулись над городом, оказалось, что раны, нанесённые мне Серенатой и принятое мной новое воплощение, сыграли надо мной злую шутку: моя сумеречная смещённость делала меня не погребённым и застывшим пленником этого места, а его живым обитателем. Судьба снова посмеялась надо мной, сделав меня заложником моей же решимости. Я мог в любой момент обратить заклятие вспять, но это бы означало, что все эти жертвы были напрасны. Уничтожить себя я тоже не мог, потому что, попросту, не знал, как это сделать. Так я не смог обрести покой и стал единственным подвижным объектом, бродящим по застывшему городу в вечном сумраке. Мне ничего не оставалось, кроме как пытаться занять себя чем-нибудь, чтобы скоротать вечность. Сначала, я просто навёл порядок, тщательно убрав все следы своего правления, восстановил город до состояния, в котором он находился на момент смерти Серенаты, уничтожил големов, снял цепи с рабов и отнёс каждого в его дом. Потом я несколько раз перепрочёл всё содержимое местной библиотеки. Потом... В общем, развлекался, как мог. Оказалось, что я не настолько совершенное и самодостаточное существо, каковым я себе казался и, со временем, я стал замечать, что потихоньку схожу с ума."

"То есть, до этого ты был в здравом уме? Знаешь, я уже понял, почему я никогда не поддамся тебе и никогда не стану таким, как ты. Хочешь знать почему? Потому что ты просто безумец со сверхценной идеей своей непогрешимости! Ты настолько хотел исправить свой просчёт, что готов стереть сотни ни в чём не повинных жизней, не считаясь даже с тем, кем они тебе приходятся!"

"Но у меня был долг решить..."

"Никакое решение не может лежать там, где умирают сотни невинных! Где умирает друг и мать твоего жеребёнка!"

"Из какой же наивной эпохи ты родом, сэр рыцарь."

"И где же я не прав, по твоему?!"

"Даже не знаю. Ты ведь имеешь понятие о долге. Однажды я взялся спасти мир и это значит, что я должен был завершить это дело или умереть пытаясь. Мне ведь было жаль и Серенату, и кристальных пони. И больше всего на свете мне хотелось бы,

чтобы я никогда не начинал этот проект, чтобы все мы прислушались к тому земнопони Хувсу, уверявшего, что лучше всё оставить, как есть и дать миру исцелиться самому. Чтобы я и дальше жил в своей башне в цитадели Ванхувер и чтобы на его троне сидела моя герцогиня и лучший друг. Знаешь, там, в вечном сумраке небытия, я занимался тем, что пытался вырастить её статую из кристаллов. Я потратил годы, чтобы расположить каждый кристаллик в правильном положении и чтобы в итоге статуя получилась её точной копией до единой шерстинки, как в тот момент, когда она бросила мне вызов. Стыдно сказать, но я пытался таким образом вернуть её к жизни. Но в итоге, я создал лишь молчаливого голема. Я понятия не имел, где искать её душу. Поэтому, я днями сидел возле её ног и говорил, говорил, говорил. О том, как мне жаль, о том... Часто, я просто вспоминал наши разговоры и воспроизводил их: я говорил свои реплики и воображал, что она говорит свои. Да, это безумие и я не знаю, где оно началось. Может я так и не сберёг свой разум в эру Дискорда, может тёмная магия и бессмертие изменили меня или я был безумен с детства. Но я знаю, что если бы я вернулся снова в то злосчастное утро, когда Серената заслонила собой ядро, спасая жизни своих подданных, я поступил бы точно так же.

Я не брежу своей непогрешимостью. Если бы был путь исправить всё это и избежать всего того, что я натворил, я бы принял на себя любой позор и признал бы своё поражение. Если бы моя смерть могла бы что-нибудь исправить, я нашёл бы способ уничтожить себя.”

“Я отдал бы решение на откуп времени.”

“Я знаю. В этом ты похож на своего великого предка.”

“Значит, ко всему списку диагнозов, у тебя есть и мания величия.”

“Нет. Вообще-то, под твоим “великим предком” я имел в виду Старсвирла Бородатого. Ты - его потомок, как и я. Он тоже славился своей осторожностью и рассудительностью. Меня же, возможно, испортила буйная кровь деда-пегаса — известного сорвиголови.”

“Новость за новостью... Твайлайт просто сойдёт с ума от счастья, когда... То есть, **если** узнает.”

“Когда-нибудь да узнает. Тоже мне — великая тайна.”

“И всё же, почему ты вернулся?”

“Хм... Там, вечном сумраке, я действительно ослаб рассудком. Решив, что этот плен навсегда, я, в какой-то момент поддался слабости и возжелал отделиться от всего того, что нанесло на меня время и бесчисленные грехи. От убийцы, от мрачного истязателя, от безжалостного деспота — от того чудовища, что я видел в отражении глаз своих “поданных”. Наверное, это чудовище, давно росло во мне, вместе с моим нежеланием делать то, что я делаю и мысленно отдалиться от всего этого. И, как я смог убедиться, безумие могущественных магов чревато последствиями. В один прекрасный день, оно действительно отделилось от меня и взяло надо мной власть, заперев меня в моём же собственном роге, поскольку нуждалось во мне, как в источнике собственной силы. Когда же я, более или менее, вернул контроль над собой, уже было поздно: тварь, растущая корнями из тьмы моей души, уже обратила

заклятье и Империя вернулась в реальный мир. Поначалу, я был просто вне себя от ярости на самого себя. Чтобы не разрушить то, что я бережно хранил эти столетия, я перенёсся в горы и, среди ледяных отрогов и воющей метели, я начал войну с самим собой. Я разрушал собой скалы и подставлял себя под плети метелей, я бросал себя против стай виндиго, надеясь, что они уничтожат того слабовольного глупца, что пустил насмарку все плоды своих грехов и трудов. Из-за моей слабости, стала напрасна смерть Серенаты. Из-за моей слабости, поколения, родившиеся рабами, жившие беспросветной жизнью рабов и умершие рабами, страдали напрасно. Казалось, моя ярость на самого себя была бесконечной, но она иссякла, оставив пустоту. Чудовище — дитя моей слабости, победило. Я сам отдал ему победу, когда понял, что всё теперь не имеет смысла и стал просто безучастным наблюдателем. Я отдал своё могущество ему, потому что мне было уже плевать, что он будет делать. Единственное, чего я хотел, так это чтобы Сёстры поскорее нашли злого тирана и преступника Сомбру и уничтожили его.”

“Значит поэтому тебя не было в Империи, когда мы нашли её?”

“Да, поэтому.”

“И, получается, боролись мы не с тобой?”

“Со мной. Хотя это чудовище заимело собственную злую, хоть и примитивную, волю, оно было частью меня. Было бы бесчестно это отрицать. Однако, кое-что изменилось в тот момент, когда ты попытался атаковать меня на ледяной пустоши. По отпечатку твоей силы я узнал в тебе своего потомка и просто не мог отдать тебя ему. Это было выше даже моего пораженчества. Я приложил огромные усилия воли, чтобы чудовище не убило тебя: я просто заблокировал твою магию и спрятал её за фоновым излучением собственного тела, издававшееся кристаллами, что поразили твой рог и тем смог убедить тварь, что ты мёртв. Благо, чудовище не обладало могучим разумом и быстро теряло из виду то, о чём не думало.”

“По правде, когда я остановился, чтобы тебя задержать, я не надеялся на победу, я просто хотел дать шанс сестре и её подругам. Значит ты спас мою жизнь?”

“Я был причиной той угрозы, что едва не отняло её, так что, “не считается”. Однако, во многом, из-за твоего дурацкого самопожертвования я и вмешался. И вообще, снова обрёл некоторый интерес к реальности, которая, уже долгое время, доходила до меня, как бы издалека. Отпечаток силы на куполе, прикрывающем город, так похожий на силу Серенаты, также привёл меня в смятение. Меня обуяло желание проникнуть внутрь и посмотреть на создателя купола: мной овладела безумная надежда, что это и есть Серената, что она смогла вернуться из-за Порога и теперь борется со мной за Империю. Я не знал, что я буду делать, если встречу её там, но я жаждал просто увидеть её. Я даже помог всеми силами этому злобному чудовищу проникнуть за пределы купола. А потом, на балконе, я увидел твою жену. На какое мгновение, я действительно принял её за Серенату, решившую, что красный и палевый больше не в моде — они с Кейденс действительно очень похожи. Но потом я понял, что, по воле судьбы, мои с Серенатой потомки сражаются против меня. Что бы вы ни сотворили, как бы ни поступили с моим проклятым наследием, я не мог допустить, чтобы вы погибли в тот день из-за меня. **Из-за меня и моего проклятого творения. Снова.**

Понимаешь? Поэтому, я просто перекрыл канал своей силы и оставил чудовище беспомощным против вас. По сути, запуск излучателя Машины был атакой Элементами Гармонии, которым чудовище было полной противоположностью и поэтому оно было уничтожено.”

“А ты?”

“А я вернул себе себя.”

“И поселился в моей голове.”

“В твоём роге оставалась махонькая частичка моего кристалла. Это мне сильно помогло. Впрочем, я мог бы не стараться скрыться, ведь Сёстры, в недалёком присутствии которых, я был уверен, не явились даже понаблюдать, оставив всё на вас. Но я уже не мог позволить себе умереть, встретившись, наконец с гневом Сестёр. Ведь я увидел вас. И, самое главное, я увидел моего потомка.

Потомка-аликорна. Со знаком Предназначения в виде символа моего проклятого холодного сердца, в виде моего дара другу, которого я убил, в виде моего проклятого творения. И тогда я понял, что вот она — та самая ниточка пути, ведущая к решению. Понадобились сотни лет бесплодных попыток, ошибок, грехов, страданий, забвения и безумия, чтобы Время и самое Предназначение протянули её мне в виде моего потомка и наследницы. Именно поэтому мне горько думать про этот ваш “откуп времени”, пусть этот дурацкий приём и сработал.”

“Я... Мне почему-то становится труднее воспринимать тебя...”

“Это нормально, наше общение сильно выматывает тебя, ты устал. Ты силён, мальчик мой. Иной бы не продержался столь долго.”

“Я не твой...”

Закончить мысль он так и не смог, провалившись в сон без сновидений.

За окном уже была ночь, а в залах, коридорах, переходах и садах дворца уже вовсю горели светильники. Шайнинг Армор так и не зажёл свой, выпав из течения времени на время разговора. Но если бы кто-то зашёл сейчас в комнату, то ему достало бы неверного света дворцовых огней, пробивающихся из окна, чтобы увидеть крупную и статную фигуру серого единорога с алым, едва светящимся рогом на фоне, почти сливающейся с окружающей тьмой, чёрной густой гривы. Печально улыбаясь и думая о чём-то своём, он укрыл Шайнинга одеялом и рассеянно провёл копытом по его гриве.

— Прости меня за этот маленький обман, мальчик мой. Но я хочу, чтобы ты всегда имел повод усомниться в себе, имел повод остановиться и подумать об истинности своих решений и искренности своих чувств. Чтобы тебе всегда мерещилась тень старого безумца, никогда не сомневавшегося в том, что он творит благо, даже если берётся это делать дурными средствами. У меня никогда не было громкого внутреннего голоса сомнений, но у тебя он должен быть, мой мальчик. Ведь вам, дети мои, предстоит исправлять мои ошибки, а это — чертовски долгий путь, полный трудов и свершений. Настолько долгий, что если Предназначение решит, что вам с сестрой не быть аликорнами, то я подарю вам бессмертие своим способом, благо, ваша добрая воля не является обязательным условием для этого. Вы подарили мне исцеление и новую цель для моего бессмысленного бессмертия и я не примену ответить дарами. Мне остаётся

только попробовать на вкус жизнь в этом новом мире, но, обещаю, я всегда буду приглядывать за вами, дети мои.

Единорог отступил в тень и растворился в ней, как будто его и не было. Мир не заметил возвращения изгнанника, но изгнаннику и не было это нужно.